

боток. Далее пять глав «Сказания» Азарьин выпустил, потому что эти главы не связаны с именем Сергия, а две главы (52-я и 53-я), являющиеся похвалой Сергию и Никону, не повествуют о конкретных, свершенных ими чудесах. Следующая (54-я) глава «Сказания» «О гладе велице во осаде бывшем на Москве, и о житопродавцах, и о умножении потреб на Троицком подвории в Богоявленском монастыре молитвами преподобных отец Сергия и Никона» должна быть помещена в «Житии Сергия» перед главой 66-й «О явлении чудотворца Сергия на Москве с хлебы». Также она должна быть (как и в «Сказании») логическим продолжением борьбы с хлебным голодом в осажденной Москве. В главе 66-й, начиная с названия, полностью воспроизведен текст 55-й главы «Сказания» с некоторыми незначительными редакционными изменениями, сделанными Азарьиным. Повествуется в ней о том, как в осажденный Московский Кремль, якобы из Троице-Сергиевой лавры, через восточные (возможно, Фроловские, ныне Спасские) ворота было привезено двенадцать подвод с печеным хлебом.

В изображении этого сюжета на интересующей нас иконе, в правом нижнем углу средней ее части, художник обнаруживает не только глубокое знание текста, как при изображении г. Опочки или г. Свяжска, но показывает еще свое непосредственное знание Москвы, как и Троицкой лавры. Но изображение Московского Кремля, как и Троицкого монастыря, не топографическое, если так можно выразиться, а символическое. Художник выбирает только те особенности и сооружения, которые определяют изображаемое место, или только те, которые непосредственно связаны с текстом «Жития». На переднем плане Москва-река (рис. 4). Над ней красные крепостные стены с зубцами и башнями. И несмотря на то что на первый взгляд стены и башни во всех сюжетах производят впечатление полной однотипности, при внимательном рассмотрении они оказываются различными и имеют свои отличительные черты, характерные для каждой крепости.

Правая угловая башня над рекой по своим стройным пропорциям напоминает Беклемишевскую. И хотя художник, повторяю, выпускает ряд сооружений, в том числе и башен, но мы различаем белые верха Фроловских (Спасских) ворот с шатровым покрытием, завершенным золотым двуглавым орлом. В пролеты звонницы виден колокол, под звонницей золотой диск циферблата часов. Левее башни столп колокольни Ивана Великого и часть крытого по закомарам Успенского собора. Даже Архангельский собор художник не изображает, ибо в тексте «Жития» хлебы посылают «к Москве, в дом пречистыя Богородицы».³⁹ Перед Успенским собором условно изображены дворцовые палаты Московского Кремля. В палатах на золотом троне восседает царь Василий Шуйский и перед ним несколько человек с жестами рук, свидетельствующими о диалоге между царем и стоящими. Эта сцена целиком повторяет композицию, уже написанную художником в большем размере в сюжете «О граде Свяжске» (мы имеем в виду сцену с Шиг-Алеем). Под палатами стоит юноша в красной рубахе, с ним беседует преподобный Сергий. За Сергием еще одна фигура монаха и несколько лошадей, за лошадьми, на втором плане, еще одна группа людей, беседующих с монахом. Над стенами Московского Кремля, справа от зрителя, крупным планом изображены две группы воинов, во главе одной всадник в латах и шлеме на белом коне и со знаменем. Позади этой группы, за зеленым холмом, верхи палаток военного лагеря. Все это олицетворяет интервен-

³⁹ Азарьин Житие, л. 131.